

Наталья Данилова (С.-Петербург). «Право матери солдата: инстинкт заботы или гражданский долг?», сборнике «Семейные узы: модели для сборки» Под ред. С. Ушакина, М., НЛЮ, 2004.

НАТАЛИЯ ДАНИЛОВА

**ПРАВО МАТЕРИ СОЛДАТА:
*инстинкт заботы или гражданский долг?***

В России продолжается затянувшаяся эпоха реформирования институтов власти. Одним из институтов, переживающим бурную эпоху трансформаций, является армия. Изменение принципов комплектования армии, легализация права граждан на альтернативную службу обозначают новое качество отношений между армией, обществом и государством. В связи с этим общественные объединения “солдатских матерей” представляют интересный объект для социологического анализа, так как их деятельность затрагивает одновременно интересы семьи, роли матери и становления принципов правового государства и развития гражданского общества в России. Социологические основания деятельности организаций “солдатских матерей” как в рамках гендерной теории, так и теории военно-гражданских отношений и стали предметом научной рефлексии в представленной статье.

Эмпирическим материалом в данной статье служит деятельность организаций “солдатских матерей” Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Однако, в строгом смысле место и объект исследования – это только толчок к дальнейшим размышлениям. Поэтому представленный материал, скорее, можно рассматривать в качестве развернутой аргументированной гипотезы, для доказательства которой, безусловно, требуются дальнейшие исследования. Данная тема только начинает привлекать внимание исследователей, и именно недостаток объяснительных моделей заставляет искать новые интерпретационные возможности.

По ходу статьи я пыталась придерживаться следующей логики. Для начала я выделила два разных основания-значения, определяющих деятельность организаций “солдатских матерей”, и обозначила их условно как “материнский” и “гражданский” подходы. Принцип их выделения заключается в разных способах обозначения статуса объекта деятельности организаций “солдатских матерей”: кем для них является призывник - солдатом? сыном? защитником Родины? гражданином? Что лежит в основе деятельности организаций “солдатских матерей”: право? гражданский долг? материнские чувства? Выделение значений осуществлялось на основе наблюдения, анализа программных документов организаций “солдатских матерей”, интервью - бесед с лидерами и членами организаций¹.

Анализ выделенных подходов в статье развивается по двум проблемам: армия и отношение к войне. Сознательное ограничение анализа этими сферами объясняется их наибольшей проблематизированностью и актуальностью для российского общества.

ИСТОРИЯ “СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ” В РОССИИ

Существуют несколько версий истории создания организаций “солдатских матерей”. Так, в своем исследовании организаций “солдатских матерей” Елена Здравомыслова выделяет 1987 год как ключевую дату создания Комитетов солдатских матерей (КСМ) (См. подробнее Здравомыслова 1999, 51-62). В этом году состоялся суд по делу Артураса Сакалаускаса, ставший дополнительным стимулом к реализации “методики поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений” в армии. Получив большой резонанс благодаря публикации в “*Ленинградской правде*”, дело Сакалаускаса о дезертирстве и убийстве им караула стимулировало бурную дискуссию в прессе по всей стране. В ходе обсуждения было установлено, что причиной убийства караула в состоянии психологического аффекта послужили неуставные отношения в армии. Инициатором создания Комитетов солдатских матерей выступило Министерство обороны: по всей стране при военкоматах стали создаваться аналогичные организации солдатских матерей. Целью этих организаций было осуществление

---

¹ Метод, используемый в данной статье, можно назвать “качественным анализом”, дискурс – анализом, открытым – осевым кодированием. Суть метода заключается в выделении и анализе ключевых значений – кодов, описывающих изучаемое явление. Более подробно о методе см., например, Страусс, Корбин 2001; Семенова 1998 и др.

гражданского контроля над армией. Однако в полной мере реализации этой цели препятствовала финансовая зависимость Комитетов от армии, которую они должны были контролировать.

Другую версию представляет правозащитница, сотрудница общества *“Мемориал”* Людмила Вахнина. Она считает, что *“сильнейшим стимулом к объединению и активным действиям стал призыв в армию весной 1989 г. студентов первых курсов вузов”* (Вахнина 2002, 16-18). Создание Комитета солдатских матерей, в который вошли представительницы Москвы, Киева, Вильнюса, Еревана, Челябинска, Петрозаводска и других городов, позволило вернуть 176 тысяч юношей *“обратно на студенческую скамью”*.

Актуализации обсуждения проблем службы в армии способствовала затянувшаяся война в Афганистане 1979-1989 гг., а также изменение внутренней политической ситуации в стране в целом, связанное с наступлением эпохи гласности и перестройки. Обострение политической обстановки в обществе, коренное реформирование государства и появление возможностей для независимой общественной деятельности позволило приступить к организации независимых объединений *“солдатских матерей”*. Одним из основных факторов стал закон *“Об общественных объединениях”*, принятый Верховным Советом СССР от 9 октября 1990 г. и действующий до мая 1995 года. В этом Законе разрешительный порядок формирования общественных объединений был впервые заменен на регистрационный (Зеликова, Фомин 1996). В результате, в качестве альтернативы *“карманным”* комитетам солдатских матерей при военкоматах стала формироваться параллельная структура независимых общественных объединений *“солдатских матерей”*.

Следующим толчком к увеличению численности организаций *“солдатских матерей”* стали вооруженные конфликты в Чеченской республике (1994-1996 гг. и 1999–2001 гг.). Привлечение призывников к участию в боевых действиях в Чечне и, как следствие, увеличение численности раненых, погибших, без вести пропавших в Чечне, при отсутствии или ограниченности официальной информации о ходе военных действий – служат стимулом к объединению родителей участников военных действий в Чечне, родителей погибших и будущих призывников. Создание этих общественных объединений приходится на 1995-1996 годы.

Таким образом, можно выделить три основных фактора, стимулирующих создание организаций *“солдатских матерей”*. Во-первых, это – демократические преобразования в стране, которые привели к большей открытости политической системы, гласности в обсуждении проблем армии; во-вторых, это – законодательно закрепленные возможности для осуществления общественной деятельности граждан; наконец, в-третьих, это – войны и вооруженные конфликты, к участию в которых привлекаются призывники, а также высокая степень насилия, травматизации и смертности в российской армии в мирное время.

За исключением зависимости формирования сектора общественных организаций *“солдатских матерей”* от специфики военных действий и ситуации в армии, развитие этого сектора общественных объединений укладывается в общую историю развития общественных объединений граждан в России (Беляева 1997). Как отмечают исследователи формирования сектора благотворительных организаций в России Ю. Зеликова и Э. Фомин, регистрационный порядок формирования, хотя и был очень важным демократическим завоеванием, сразу же поставил общественные организации в очень трудное положение, поскольку полностью лишил организации финансовой поддержки государства. Организации *“солдатских матерей”* по закону не имели льгот и поэтому должны были искать иные способы самообеспечения. Одной из стратегий являлось осуществление пропагандистской, просветительской деятельности организаций, публикация справочной информации, а также сотрудничество с западными правозащитными объединениями и фондами. Такую стратегию реализует общественная правозащитная организация *“Солдатские матери Санкт-Петербурга”*. Финансовой основой их деятельности являются единовременные отчисления спонсоров, платные справочные услуги для призывников и их родителей, юридические консультации, публикации справочных материалов о защите прав призывников и военнослужащих срочной службы.

Другой способ заключался в том, что организации не регистрировались как объединения *“солдатских матерей”*, а присоединялись к организациям *“родителей участников, инвалидов и погибших в войне в Афганистане”*. Эти организации стали частью Российского Фонда инвалидов войны в Афганистане, в соответствии с полученными льготами пытались решить свои проблемы. Примером такой организации может служить Санкт-Петербургская организация инвалидов войны и членов семей погибших в республике Афганистан, образованная в 1990 году. Эти организации поддерживали с организациями *“солдатских матерей”* партнерские отношения.

На данный момент в России существует разветвленная сеть организаций солдатских матерей, состоящая из комитетов солдатских матерей при военкоматах, независимых общественных

организаций солдатских матерей, общественных правозащитных организаций солдатских матерей. Эти организации пытаются наладить связь друг с другом и установить партнерские отношения. Однако чаще всего сеть организаций разорвана и децентрализована, а связи между организациями по большей части ограничены регионом их функционирования.

СЫНОВЬЯ И ГРАЖДАНЕ

Как уже отмечалось, на основе анализа основных кодов, обозначения статуса объекта деятельности организаций “солдатских матерей” было выделено два подхода: “*материнский*” и “*гражданский*”. Эта типология, разумеется, является условной; устанавливать историческую последовательность этих подходов в данном случае не стоит. Рассмотрим подробно каждый из них.

Материнский подход

Принадлежность к организации “солдатских матерей” во многом определяется объективным и символическим статусом материнства. Принцип “материнской заботы” о здоровье и будущем своих сыновей становится основным мотивом этого подхода. “*Матери отвечают за своих сыновей*”, “*матери – родительницы жизни...*”, “*кто, как не мать, позаботится о своем сыне*” – такими категориями определяют суть своей деятельности “солдатские матери”. Категория “материнской заботы” в данном случае получает свое распространение на всех юношей, для которых служба в армии может стать актуальной проблемой. В итоге, благодаря такой позиции, вся структура общественных отношений рассматривается как воплощение структуры семьи, где матери заботятся о своих взрослых детях – сыновьях².

В теоретическом плане проблема взаимоотношений матерей и взрослых детей остается мало изученной. Для первоначального определения сути материнской заботы может быть использована психосоциальная теория Нэнси Ходоров (N. Chodorow) (Ходоров 2000, Чодороу 2000). В этой теории утверждается идея о социальной сконструированности феномена материнской заботы в ходе рождения и воспитания ребенка. В результате постоянного воспроизводства системы ожиданий, согласно которой считается, что “женщины по своей природе должны заботиться о детях всех возрастов, а также в убежденности в том, что “материнские” качества женщины могут и должны проявляться в других сферах их деятельности” (Ходоров 2000, 162), в обществе утверждается феномен материнской заботы. Эта же система порождает “женщин, направляющих свою энергию на воспитание детей и заботу о детях, которые затем воспроизводят разделение труда по признаку пола в семьях, где женщина (как и прежде) осуществляет материнскую заботу” (Ходоров 2000, 163).

Положения психосоциальной теории Ходоров могут помочь объяснить происхождение и социальную заданность материнской заботы в обществе, но не позволяют объяснить феномен формирования общественного движения для выражения функции материнства по отношению к призывникам и солдатам. Поэтому для интерпретации феномена “солдатских матерей” положения теории Ходоров необходимо подкрепить как анализом социального и экономического распределения ролей в семье и в обществе, так и анализом положения армии в конкретный исторический период.

Так, например, развитие *движения* “солдатских матерей” в Соединенных Штатах Америки характеризовалось постепенным изменением состава участниц этого движения. Цель формирования первых организаций матерей призывников, появившихся в 1917 году – со времени начала призыва для участия в Первой мировой войне – было преодоление ожидаемого сопротивления матерей к организации призыва на военную службу (De Volo 1998). В последующий период акценты несколько сместились. Как отмечает американская исследовательница Теда Скочпол, организации “солдатских матерей” стали состоять из матерей, чьи сыновья погибли или получили увечья в ходе военных действий (Skocpol 1992). Организация системы социальной поддержки “солдатским матерям” в период после Первой мировой войны фактически являлась следствием ограниченных возможностей женщин самостоятельно обеспечивать себя или своего сына, покалеченного после войны. Гибель сына была смертью кормильца, который должен был бы в старости обеспечивать своих родителей.

---

² Формирование патриархальной структуры отношений в российском контексте подкрепляется существованием устойчивых представлений о роли матери-родительницы в обществе (См.: Здравомыслова 1999, 60).

Следует отметить, что в России армия призывного типа, построенная по принципу призыва на военную службу граждан, была возобновлена в 1937 году (Казаков, Сазонов 1999). Следствием распространения призыва и постепенного снижения среднего возраста призывников в разных странах на протяжении XX века,³ складывалась следующая ситуация. Снижение возрастных границ для призывников сопровождалось процессом повышения возраста социальной компетентности молодежи. К восемнадцати годам спектр экономических и социальных ресурсов, доступных молодому мужчине для начала самостоятельной жизни оказался существенно ограничен, ставя молодого человека в зависимость от материальных и моральных ресурсов его родителей.

На фоне снижения возраста социальной ответственности и сложившегося призывного типа комплектования армии, предсказуемым результатом такого процесса “омоложения” подавляющего состава военнослужащих в России становится существенное повышение роли родительской семьи для солдат срочной службы. В условиях слабости или полного отсутствия институтов, способных отстоять соблюдения прав граждан в российских вооруженных силах, семья – и мать в особенности – становятся единственным источником материальной и правовой помощи для своего сына. Соответственно и общественные организации “солдатских матерей”, декларируя заботу о жизни, здоровье, чести и достоинстве сыновей, призванных на службу в армию, прежде всего, ориентируются на помощь родителям призывника. Они подчеркивают, что только семья при соответствующем знакомстве с законодательством может обеспечить полноценную защиту прав призывника.⁴ С одной стороны, это акцентирование роли семьи свидетельствует о неразвитости институтов защиты гражданских прав в современной России. С другой – публичное выражение “материнской заботы” как формы коллективного действия и обоснования защиты прав молодого человека способствует символической инфантилизации мужчин, отдающих дело защиты своих прав в руки матерей.

Гражданский подход

В рамках этого подхода организации матерей обозначают свою деятельность как форму “зарождающейся сферы гражданского общества” в России. В этом контексте деятельность организаций “солдатских матерей” представляется в категориях защиты прав человека и гражданина. В полной мере такой подход реализует организация “*Солдатские матери Санкт-Петербурга*”. В публичной риторике организации преобладают категории “гражданин”, “человек”, “защита прав человека” (Виленская, Полякова 1999, 160-169). Как отмечает Э. М. Полякова (руководитель организации “*Солдатские матери Санкт-Петербурга*”) в своей речи на Международном конгрессе организаций “солдатских матерей” под лозунгом “За жизнь и свободу” (1995, 25-26 февраля):

Мы сталкиваемся вчера и сегодня с нарушением в ВС РФ прав наших детей на жизнь и здоровье, на честь и достоинство, с нарушением наших прав на информацию. Причины этого: низкое правосознание граждан, апатия общества, безответственность власти, отсутствие данных, позволяющих оценить действия власти и состояния ВС РФ ... Мы не Комитет. *Наша цель – способствовать формированию гражданского общества и правового государства в России...* Мы пришли сюда, чтобы работать вместе с вами. Мы не собираемся просто что-то делать за вас. Это ваша ответственность – ответственность вашей семьи. Вы должны сами себе помочь защитить ваши неотъемлемые права. “Помоги себе с нашей помощью” – вот лозунг нашей организации (Цит. по Здравомыслова 1999, 61-62).

Правозащитная направленность, активная позиция организации, в отличие от матриархатной направленности “Комитетов”, подчеркивается уже самим названием организации – общественная *правозащитная* организация. Организация сотрудничает с такими влиятельными российскими правозащитными объединениями, как международное, историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “*Мемориал*” и западными правозащитными организациями и фондами. Развитие правовой культуры, проведение правового ликбеза среди населения рассматривается как эффективный инструмент защиты прав призывника и военнослужащего срочной службы (см. подробнее Здравомыслова 1999, Hinterhuber 1999).

Для представления своей позиции лидеры и члены организации в публичных выступлениях и официальной прессе стараются подчеркнуть именно гражданский статус проблемы, для решения которой созданы организации, оттесняя личные связи (мать-сын), интересы одной отдельно взятой

³ В России на данный момент границы призывного возраста определяются возрастом в 18-27 лет.

⁴ Сайты общественной правозащитной организации “Солдатские матери Санкт-Петербурга”, <http://mothers.nm.ru/>, <http://www.soldiersmothers.spb.org>

семьи на второй план. Выбор этой позиции выражает попытку вывести проблему с микроуровня семейных отношений, – т.е. с уровня родительской/материнской заботы – на уровень общеправовой проблематики, когда ответственность за обеспечение жизни и здоровья индивида берет на себя закон. Организации “солдатских матерей” подчеркивают, что они выполняют, прежде всего, просветительскую и образовательную функции и действуют на основе права.

В данном случае происходит перенос акцентов с “женской”, материнской морали, реализуемой в “материнском” подходе, в сторону “мужской” морали закона и права. Категории “женской” морали как заботы и ответственности и “мужской” морали, базирующейся на основе приоритета абстрактных понятий права и справедливости, заимствуются из теории жизненного цикла Кэрл Гиллиган (Гиллиган 2000).

Применение категорий права действительно позволяет сделать проблему призывник публичной и ввести ее в рамки дискурса гражданских прав. Однако использование только правовых значений не оставляет возможности для выражения личной заинтересованности семьи и матери в обеспечении прав ее сына. Возможно, именно безличность и абстрактность права, при общей низкой правовой компетентности подавляющего числа российских граждан, препятствует распространению данного подхода среди “солдатских матерей”.

Поскольку ни один подход сам по себе не в состоянии обеспечить достижение намеченных целей, организации “солдатских матерей” предпочитают в разной степени сочетать оба подхода. “Гражданский” подход в большей степени используется в публичной сфере организациями, активно участвующими в правозащитном движении. Абстрактность правозащитной тематики компенсируется в приватном пространстве, когда для обоснования названия и смысла деятельности организаций “солдатских матерей” подчеркивается их “материнская” функция, забота о жизни и здоровье своих сыновей. В результате стратегия организаций, стремящихся сочетать оба подхода, характеризуется некоторой противоречивостью при одновременном использовании для обоснования деятельности организаций разных кодов: гражданских прав в публичной сфере и материнской заботы – в приватной.

Иная ситуация складывается тогда, когда организация следует принципам “материнского” подхода как на публичном, так и на приватном уровне. Эта позиция позволяет реализовать более последовательную и непротиворечивую позицию в обосновании деятельности организации. Однако эта же позиция ведет к тому, что формулировка проблем нарушения прав призывников и солдат оказывается “замкнутой” дискурсивными возможностями отдельной семьи, не позволяющими “вывести” эти проблемы на государственный уровень.

СЛУЖБА В АРМИИ: ЗЛО И БЛАГО

Акцент на том или ином подходе во многом определяет отношение организаций “солдатских матерей” к такой ключевой сфере их деятельности, как армия. В российском обществе в последние годы разгорелись бурные дискуссии о том, какой должна быть российская армия. Должна ли она стать профессиональной армией или продолжать комплектоваться на основе всеобщей воинской обязанности, по призыву? Возможна ли трансформация “почетной гражданской обязанности” в форму реализации права гражданина, способного выбрать наиболее приемлемый для него способ “возвращения” долга Родине⁵. В дискуссии об альтернативной службе активное участие принимают организации “солдатских матерей”, которые предъявляют аргументы “за” и “против” альтернативной службы. Попробуем объяснить эти противоположные позиции с точки зрения представленных “материнского” и “гражданского” подходов.

“Армия нужна для всех мальчишек”

С точки зрения “материнского” подхода, служба в армии рассматривается как “школа мужества”, необходимая для воспитания качеств “настоящего мужчины”. Проиллюстрировать эту точку зрения можно отрывком из интервью одной из лидеров организации “Солдатская мать”:

...Я, я вообще считала, что..., ну вот, в наше время было такое понятие, что если молодой человек не служил в армии, он даже не мужчина, с ним девчонки бы даже не встречались, вот. И вообще это,

---

⁵ О военной службе в России как составляющей гражданского статуса индивида см. подробнее Данилова 2002.

военная служба, это как бы *школа мужества*, просто любому мальчишке необходимо пройти ее. Тем более что сейчас *много семей, в которых именно мамы одни воспитывают мальчишек и поэтому еще армия необходима*. Он действительно там *станет мужчиной*. У меня тоже так же, мы тоже так же рано расстались с мужем, когда сын пошел в школу в первый класс. И поэтому я даже не задумывалась о том, считала, что армия – это долг родине и отдать надо, святое дело, и он там будет действительно человеком, многое познает. Потому что мама никогда не сможет дать столько, сколько армия. Потом даже чувство дружбы, друзья, ответственности перед друзьями. Вообще на армию всегда возлагалась большая надежда. Да и вообще, чувство патриотизма еще у нас не убито. Да и он сам с желанием... Что действительно сам себя просто уважать перестал, если бы стал избегать армии (Иванова А.Б.)⁶.

В интервью представлено обоснование роли армии с точки зрения замены функции отца в воспитании юноши в неполных семьях. Информантка, мать-одиночка, воспитывающая двух сыновей, рассматривает армию как единственную возможность привить сыну качества “настоящего мужчины” и поэтому сама настаивала на службе. Следует отметить, что сын во время службы в армии получил серьезную травму и стал инвалидом III группы. Однако это не изменило отношение матери к армии как необходимому институту мужской социализации, который, естественно, нуждается в реформировании, но, тем не менее, является необходимым и даже обязательным для всех юношей:

...И вот потом после всех этих мытарств я выхожу на комитет Солдатские матери Санкт-Петербурга. Там была Элла Михайловна Полякова⁷, которая как раз у нас с ней разногласие в том, что она против вот этой армии, а наши матери (матери комитета Выборга) - они никогда не будут так. Они вот за нашу армию, за российскую, чтобы она такой, как была, может быть, и частично на альтернативной основе. Но всю армию такой я считаю нельзя делать. Я считаю, что армия нужна для всех мальчишек (Иванова А.Б.)⁸.

Примечательно, что представительницы этой организации отправили письмо с подписями матерей, родителей военнослужащих срочной службы, ветеранов и участников войн в Министерство обороны, в котором изложили свои аргументы против профессиональной армии и либерализации условий альтернативной службы.

Источник всех проблем российской армии матери видят в недостаточном финансировании вооруженных сил и, главное, в недобросовестном выполнении офицерским составом своих обязанностей. В идеале армия видится как институт “воспитания” мужчин, в котором офицеры полностью выполняют свои обязанности и в полной мере несут ответственность за случаи неуставных отношений в армии; в свою очередь, солдаты в ходе службы имеют возможность получить ряд полезных профессиональных навыков (научиться водить машину, овладеть навыками ремонта оборудования и т.д.):

... Только армия должна дать гарантии о здоровье наших сыновей. Я мать и хочу быть спокойна за своего сына. Пусть вот он там он научится полезным навыкам, может там машину водить, ремонтировать что-нибудь, ну я не знаю. Ведь все эти несправедливости в армии оттого, что офицеры не выполняют своих обязанностей. Если бы как-то все за этим следить и наказывать того, кто там за ребятами не следит, или того хуже - над ними же измывается, то в армии все будет хорошо. И такая армия нужна. (Петрова Н.М.)⁹

Представительницы “материнского” подхода не претендуют на полный контроль над ситуацией в вооруженных силах, речь, скорее, идет о значительном повышении степени ответственности армии за жизнь и здоровье их сыновей. Однако ясно, хотя снижение числа травм и количества потерь в армии в мирное время является одной из важнейших задач реформирования российских вооруженных сил, абсолютных гарантий жизни и здоровья ни одна армия дать не в состоянии. Потери и жертвы неизбежны в любых условиях.

Подобное сочетание восприятия армии как института мужской социализации с требованиями максимальной безопасности является, безусловно, противоречивым. Остроту этого исходного

⁶ Отрывок из интервью от 18 июня 2002 года с лидером организации “Солдатская мать” г. Выборга, матерью солдата, участвовавшего в боевых действиях в Чечне (1994-1996 гг.).

⁷ Имеется в виду общественная организация “Солдатские матери Санкт-Петербурга”, председателем которой является Элла Михайловна Полякова.

⁸ Отрывок из интервью от 18 мая 2002 года с лидером организации “Солдатская мать” г. Выборга, матерью солдата, участвовавшего в боевых действиях в Чечне (1994-1996 гг.).

⁹ Отрывок из интервью от 20 мая 2002 года с Петровой Н.М., членом организации “Солдатская мать”, матерью солдата, участвовавшего в боевых действиях в Чечне (1994-1996 гг.).

противоречия пока скрывает общее состояние российской армии, не способной обеспечить даже минимальных гарантий жизни и здоровья солдат.

Примером позитивного восприятия службы в армии в рамках “материнского” подхода может служить анализ отношения матерей к армии в Израиле. Так, исследовательница Р. Мазали, сама активная участница антивоенного движения отмечает, что формы выражения ее отрицательного отношения к армии и военным действиям изменились после поступления сына на службу. Служба сына в армии создала ситуацию, в которой позиция матери оказалась в конфликте со всем, что являлось важным и дорогим для сына и для большей части израильского общества. Ставя семейные отношения выше собственных политических принципов, для сохранения мира в семье мать выбрала стратегию “молчания” как формы поддержки сына (Mazali 1998, 282). Поддержка сына-солдата означает поддержку армии, оппозиция армии – предательство сына. В этой ситуации родители одновременно боятся и переживают за сына и отправляют его в армию (Mazali 1998, 284).

Позитивное отношение к военной службе матерей подкрепляется рассмотрением военной службы в рамках израильского общества как сущностного права юноши принадлежать к сообществу взрослых мужчин и защитников своих родителей. Вместе с тем, положительное отношение к армии выражает также бессильность, вину, фатализм родителей, оказавшихся не в состоянии сформировать безопасное окружение и вынужденных полагаться на защиту своих детей. Таким образом, формирование позитивного отношения к армии как инструменту обеспечения национальной безопасности сначала становится составной частью общей социализации детей, а затем выступает закономерным регулятором отношений родителей к службе своих детей в армии. Сыновья-солдаты максимально жертвуют своей жизнью и здоровьем в процессе службы ради коллективного блага, к которому принадлежит семья, что, в свою очередь, обеспечивает поддержку и лояльность членов семьи к службе. Такая стратегия подчеркивает социальный контракт, который общество “заключает” с государством и армией (Mazali 1998, 276).

Это подробное описание ситуации в семьях израильских военных позволяет объяснить феномен формирования позитивного отношения к службе в армии для семей погибших солдат. То, что в рамках “гражданского” подхода интерпретируется как полное отсутствие гражданской сознательности матерей, здесь приобретает иную направленность. На мой взгляд, для матерей служба в армии становится последним и самым важным делом сына, за которое он отдал свою жизнь – независимо от степени политической целесообразности подобного поступка; позитивное отношение к службе сына остается для матери единственным средством выражения любви к сыну.

“Не может армия реформировать сама себя.”

Как уже отмечалось, основной категорией данного подхода является “право”. Поэтому его представительницы настаивают на изменении статуса военной службы в России. Суть их предложений заключается в том, что на смену “воинской повинности” или воинской “обязанности” должно прийти “гражданское право”, признающее за гражданином свободу выбора форм выполнения воинского долга. Следствием таких преобразований должно стать, во-первых, законодательно закрепленное право на альтернативную службу, и, во-вторых, формирование в России профессиональной армии. Роль организаций “солдатских матерей” в этой ситуации состоит в осуществлении эффективного гражданского контроля за процессом реформирования армии. Как пишут Э.М. Полякова и Е.Ю. Виленская,

Не может армия реформировать сама себя, а для принятия решений в жизни гражданского общества военным не хватает компетенции. До тех пор, пока армия не будет поставлена под эффективный гражданский контроль, нельзя надеяться на реальное изменение ситуации и обеспечение необходимого уровня безопасности, как для общества, так и для самой армии (Виленская, Полякова 1999, 168).

Организации требуют внедрения программ по правам человека в образовательных учреждениях, реализацию гражданского контроля над всем, что связано с армией, начиная от расходов общества на ее содержание и заканчивая бытовыми условиями жизни военнослужащих. Эта позиция организаций “солдатских матерей” совпадает с позицией других, либерально ориентированных политических партий в России, таких как “Союз правых сил” и “Яблоко”, которые отстаивают проекты формирования профессиональной армии и альтернативной службы.

Такая позиция “солдатских матерей” может быть проинтерпретирована с помощью модели реализации гражданского контроля над армией классика теории взаимоотношения между армией и обществом Самуэля Хантингтона (Huntington 1957). Согласно Хантингтону, эффективность

функционирования армии и стабильности политического режима в обществе всецело зависит от формы гражданского контроля. *Объективный гражданский контроль* предполагает нейтральность и аполитичность армии, подчиненность ее государству и одновременно признание гражданскими властями автономности армии, ее права на экспертное знание в области обеспечения национальной безопасности. *Субъективный гражданский контроль* заключается в подчиненности армии интересами различных политических сил и превращает армию в “зеркало политики”.¹⁰ Этот тип контроля разрушает боеспособность армии и может угрожать демократическим принципам функционирования общества (Huntington 1957, 84-85).

В данной терминологии тип гражданского контроля, предлагаемый организациями “солдатских матерей”, может быть отнесен, скорее, к *субъективному гражданскому контролю*, так как организации требуют полного подчинения армии гражданским властям. Если следовать Хантингтону, такой тип контроля не позволяет сформировать боеспособную и высокопрофессиональную армию, а напротив, рано или поздно будет порождать конфликты между армией и государством, с одной стороны, и институтами гражданского общества, с другой.

Недостаток такой позиции организаций “солдатских матерей” заключается в ее бескомпромиссности, ультимативности и неконструктивности по определению. Полное отрицание способности армии и государства к реформированию, акцент на нарушениях прав военнослужащих, дедовщине, насилии в армии препятствуют признанию самой возможности поиска конструктивного пути реформирования армии. На практике это ведет к тому, что организации “солдатских матерей” пытаются “спасти”, “избавить” от службы в “самой ужасной в мире” российской армии всех граждан независимо от наличия у них объективных причин на прохождение службы. Тем самым эти организации фактически становятся “ширмой” для тех, кто по каким-либо причинам желает избавиться от службы любыми средствами, используя информацию, предоставленную организациями “солдатских матерей”.

Подобная “непримиримая” позиция имеет и еще одно последствие: фокус на отрицательных сторонах службы, как правило, вызывает неприятие у тех, кто прошел службу в армии. Возможно, именно поэтому такие организации “солдатских матерей” занимаются в большей степени призывниками и солдатами, которые испытывают унижения на службе в армии или являются дезертирами. Все те, кто смог закончить службу или кому армия дала возможности изменить свою жизнь, не находят места в таких организациях. Вполне возможно, что именно в такой нетерпимости по отношению к армии некоторых организаций “солдатских матерей” и заключается причина внутреннего раскола этого движения.

Таким образом, “гражданский” и “материнский” подходы формируют принципиально разное отношение к военной службе и армии. В рамках “гражданского” подхода военная служба в армии и армия в целом оцениваются, прежде всего, с точки зрения нарушения прав человека. Организации “солдатских матерей” претендуют на реализацию гражданского контроля над всеми сферами функционирования армии (субъективный гражданский контроль), а также выступают за законодательное закрепление права на альтернативную службу и в перспективе за профессиональную армию. “Материнский” подход, напротив, утверждает необходимость военной службы, рассматривая ее как необходимый институт мужской социализации. Вместе с тем, “материнский” подход требует таких условий реформирования вооруженных сил, которые также недостижимы в реальности. В этом смысле позиции “гражданского” и “материнского” подходов сближаются. Принципиальным отличием, однако, остается то, что в центре внимания “материнского” подхода находится взаимосвязь военной службы сына и отношений в семье, при которой реализация функции матери предполагает, скорее, поддержку сына и, следовательно, позитивное отношение к армии, чем ее осуждение.

ВОЙНА: ВИНОВЕН ИЛИ НЕТ?

В этой части мы попробуем разобраться, наверное, с самой болезненной темой для “солдатских матерей” – темой войны и отношения к “живым и погибшим” солдатам – участникам войн. Следует отметить, что в данном случае имеются в виду участники “современных” войн и

---

¹⁰ “Зеркало политики” - термин введен С. Хантингтоном. Означает политизацию армии, ее подчиненность интересам различных политических партий, классов и групп интересов.

боевых действий, которые велись Советским Союзом и Россией в конце XX века, а именно, война в Афганистане (1979–1989 гг.) и “борьба с вооруженными формированиями” в Чеченской республике (1994–1996; 1999–2000 гг.). В публичном дискурсе чаще всего эти события описываются как “войны”, хотя официально ни одно из перечисленных событий таковой признано не было. Жаркие дискуссии об участии солдат-сыновей в этих войнах, как правило, перерастают в ожесточенные споры по поводу принципов комплектования российской армии и войны как таковой. В этом споре сторонников разных точек зрения по поводу войны смешивается и личный опыт, и религиозные ценности, и моральные принципы, и боль утраты и материнской любви к сыну-солдату.

“Мы учили своих детей любить Родину...”

На первый взгляд, позицию матерей по поводу ведения войны можно выразить как предельно отрицательную. Однако, при более пристальном анализе ситуация не так однозначна.

Одной из ярких иллюстраций отличительных черт “материнского” подхода, который выражал протест против “гражданско-правового” подхода по отношению к войне, представлен в заключении книги С. Алексеевич *“Цинковые мальчики”*, где приводятся стенограммы судебных заседаний. Эта книга была написана в жанре документальной прозы и представляет собой отрывки интервью участников и родственников участников, погибших в войне в Афганистане. После опубликования книги ряд информантов, среди которых были матери погибших военнослужащих, подали на автора книги в суд.

Матери погибших солдат были одними из наиболее активных обвинителей этой книги. На суде матери сидели с портретами своих сыновей, на которых были наколоты их ордена и медали. Приведем некоторые из обвинений матерей.

- Мы – матери. Мы хотим сказать. Мы все будем говорить. Погубили наших детей... Потом деньги себе на этом зарабатывают... А наши дети в могилках. Мы отомстим за наших детей, чтобы они могли спокойно в земле лежать.....

- Будь ты проклят! Пусть тебя белая горячка возьмет. Сделали из наших детей убийц. ...

- Мы защищаем честь своих погибших детей. Верните им честь! Верните им Родину! Развалили страну. ...

- Это вы сделали наших детей убийцами. Это вы написали эту жуткую книгу... теперь не хотят делать в школах музеи памяти наших детей, сняли их фотографии. А они там такие молодые, такие красивые. Разве у убийц бывают такие лица? Мы учили своих детей любить Родину... Зачем она написала, что они там убивали? За доллары написала... А мы – нищие... Цветов на могилу сыновьям не на что купить... (Алексеевич 1996, 268-271).

- Вы говорите, что я должна ненавидеть государство, партию... А я горжусь своим сыном! Он погиб как боевой офицер. Его все товарищи любили. Я люблю государство, в котором мы жили, СССР, потому что за него погиб мой сын. А вас ненавижу! Мне не нужна ваша страшная правда. Она мне не нужна!! Слышите?! (Е. Платицина) (Алексеевич 1996, 259).

- ... И в Афганистан он поехал, потому что он был честный человек. Он дал военную присягу. Раз нужно, он поехал. Я воспитала прекрасных сыновей. Ему приказали, он поехал, он был офицер. А Алексеевич хочет доказать, что я мать – убийца. И мой сын там убивал. Что выходит? Я его туда послала? И дала ему в руки оружие? Мы, матери, виноваты, что там была война? Что там убивали, грабили, курили наркотики? (из стенограммы судебного заседания 29 ноября 1993 г., истец И.С. Головнева) (Алексеевич 1996, 261-265).¹¹

В данном случае матери выступили против подхода, при котором их погибшие сыновья оказались представленными в виде “убийц” и “преступников”, а они сами – в виде непосредственных виновниц преступлений, совершенных сыновьями. Разумеется, эти аргументы можно объяснить любовью к своим погибшим детям, стремлением идеализировать прошлое и нежеланием признать горькую правду. Однако аргументы матерей имеют и более глубокую причину, связанную с тем, что участие в боевых действиях не исчерпывается исключительно проблематикой моральной ответственности; наряду с ней существовали и существуют разнообразные политические и социальные условия, которые определяют действия людей в конкретных обстоятельствах.

¹¹ Головнева И. С. – лидер одной из первых и крупнейших общественных объединений солдатских матерей в Белоруссии, мать погибшего в 1986 г. старшего лейтенанта Ю. Головнева.

В рамках “материнского” подхода война становится точкой пересечения социально-политических условий функционирования общества и личного опыта индивида. “Материнский” подход указывает на то, что именно общество и государство легитимизируют систему гражданского долга, военной службы и ведение войны, и создают систему, в которой право принятия решений принадлежит отдельным политическим лидерам. Поэтому обвинение против солдат-участников событий должно следовать только после обвинения лиц, принимавших данное политическое решение, и “молчаливого” общества.

Воспроизводство ценностей нации и государственности в риторике “материнства” может объясняться и тем, что матери оказываются частью инструмента политической и военной мобилизации. В этом случае на политическом уровне происходит экстраполяция функций отдельной матери на мать “всеобщую”, “универсальную”, заботящуюся о жизни и здоровье нации, как о жизни и здоровье своего ребенка. Материнство, таким образом, становится элементом государственной политики, обеспечивающей существование армии и ведение войны. Это объяснение предложила исследовательница организаций “солдатских матерей” в Америке Л. де Воло (De Volo 1998). Несмотря на то, что матери как часть всего общества являются носителями идеологических штампов, их материнская позиция позволяет им отмечать *относительность* права, зависящего от изменчивой политической ситуации в стране. Представительницы “материнского” подхода указывают на разницу в степени ответственности солдата, участвующего в боевых действиях, и политика, принимающего решения, соответственно, на необходимость оценки выполнения воинского долга солдатами-сыновьями независимо от политических условий, в которых это произошло.

“Сама мысль об убийстве стала нормальной...”

Право, как основная категория “гражданского” подхода, соответствующим образом влияет и на выбор позиции по отношению к такому сложному с правовой точки зрения явлению, как война. В данном случае право становится *моральной* категорией, позволяющей определить степень обоснованности войны в целом или действий отдельных военнослужащих в частности. На мой взгляд, именно такое “моральное” право и формирует отношение к войне у организаций “солдатских матерей”.

Для обоснования своей позиции организации “солдатских матерей” одновременно используют два аргумента: один аргумент выражает полное отрицание войны и насилия, а другой – настаивает на частичном, необходимом насилии в оправданных, с моральной точки зрения, случаях. Подобное сочетание представляет собой попытку адаптировать к современным условиям одновременно принципы пацифизма и теории “справедливой войны”.

Иллюстрацией пацифистской позиции может служить точка зрения одной из самых известных правозащитниц и писательниц Светланы Алексеевич. Она не принадлежала к движению “солдатских матерей”, однако, ее мнение как нельзя лучше отражает позицию ряда организаций “солдатских матерей”, для которых критерием “морального права” служит признание абсолютной ценности человеческой жизни и отрицание каких-либо условий, оправдывающих насилие над ней:

... Нам внушили с детства, заложили в генах любовь к человеку с ружьем. Мы выросли словно бы на войне, даже те, кто родился через несколько десятилетий после нее ... Так много написано книг о войне, так много изготовлено человеческими руками и умом оружия, что сама мысль об убийстве стала нормальной ... Невозможно у мужчин безнаказанно забрать эту самую любимую игрушку... самую дорогую игрушку – войну. Но я ненавижу войну и саму мысль о том, что один человек имеет право на жизнь другого человека (Алексеевич 1996, 294).

Однако, очевидно, что абсолютное непринятие насилия и войны невозможно на данный момент в современном мире и остается по-прежнему далеким проектом будущего. Возможно, поэтому абсолютные принципы пацифизма плавно преобразуются в принципы морально-оправданного насилия, имеющего свои истоки в теории “справедливых войн”, согласно которой решение о необходимости войны и способах ведения войны принимается на основе системы моральных правил, легитимизирующих применение насилия в некоторых морально-оправданных случаях¹² (Walzer 1977; Holmes 1989; Коппитерс и др. 2002).

В этом случае позиция “солдатских матерей” по отношению к войне и ее участникам построена на признании приоритета морального и юридического права, закрепленного в Уставе ООН

¹² Принципы теории “справедливой войны” воплощены в современном международном гуманитарном праве – “праве войны” – согласно которому регулируются вопросы принятия решения о войне и мире и способах ведения войны.

и ратифицированного Российской Федерацией. Война в Афганистане стала первой в числе “несправедливых” войн. С начала войны 1994 года КМС России распространил серию антивоенных заявлений, затем организовывал самостоятельно или в содружестве с другими организациями проводили митинги, пикеты, собрания, посылали в органы власти заявления и обращения, собирали тысячи подписей против войны. Международный конгресс “За жизнь и свободу”, проведенный 25-26 февраля 1995 КСМ России с участием организаций из 44 городов 38 субъектов Федерации, принял обращение, заканчивающееся словами “Не отдадим сыновей на преступную войну”. Женщины – представительницы организаций “солдатских матерей” организовали “Поезд мира” для возвращения своих сыновей из Чечни. Участницам поездки удалось добиться своей цели - возвращения своих детей. В результате поездки было сделано заявление о том, что “в Чечне не защищаются национальные интересы России. Любая война безнравственна” (Вахнина 2002, 16-18). Организация “Солдатские матери Санкт-Петербурга”, как в первую, так и во вторую чеченскую кампанию, также активно выступала против ведения военных действий в Чечне, используя аргумент незаконности, отсутствия правовых оснований для ведения военных действий, участия в них призывников, а также неприемлемости войны как таковой.

Смешение пацифистских и морально нагруженных принципов справедливости войны и международного права определяют отношение к войне и к солдатам-участникам войн. Хотя теоретически – с точки зрения пацифизма - ответственность за участие в войне несут в равной мере и политики, принимавшие решение о войне, и общество, молчаливо согласившееся с фактом начала боевых действий, так и солдаты, непосредственно участвовавшие в войне, однако именно солдаты обычно становятся основными виновниками событий как непосредственные исполнители насилия. Эта “исходная” вина солдат усугубляется в случае применения насилия в условиях “несправедливой”, “преступной” войны. Солдаты становятся субъектами, которые могли не выполнять “несправедливый” приказ и отказаться участвовать в “несправедливой” войне. Их правовая несознательность и пассивность рассматривается как дополнительное доказательство их виновности. В меньшей степени виновными оказываются солдаты – призывники, поскольку их статус “жертвы” армии и войны служит оправданием их действия.

Как уже отмечалось, реализация “гражданского подхода” на практике демонстрирует его основные недостатки: категоричность и абстрактность утверждений препятствуют их воплощению в жизнь; обвинения в неприемлемости “убийства” вступают в противоречие с самими принципами армии и войны; нейтральность юридических принципов морально оправданного права не учитывает отношений между людьми. В результате позиция, представляющая собой смешение абсолютизированных принципов права и пацифизма, игнорирует как структурные условия функционирования общества, права и распределения ответственности по вопросам войны и мира, так и структуры межличностных связей между людьми. Она только обличает, обвиняет и требует покаяния. И в то же время, именно этот “гражданский” подход стимулирует в публичном пространстве дискуссию об обоснованности военных действий и смысле гибели тысяч солдат и офицеров. Возможно, максимализм “гражданской” позиции является необходимым условием для того, чтобы взорвать, расшевелить российское общество, медленно движущееся к осознанию принципов гражданского права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье я попыталась проанализировать феномен “солдатских матерей” сквозь призму более широкой теоретической и социальной схемы, которая определяет взаимоотношения между армией и обществом. Выделенные “материнский” и “гражданский”, или – точнее - “правовой”, подходы стали инструментом анализа этой проблемы. При использовании этих моделей мне хотелось показать разнообразие позиций “солдатских матерей”, выделить принципиально разные основания их действий и аргументов, показать слабые и сильные стороны каждого из подходов.

На данный момент в России движение “солдатских матерей” совмещает в себе в разной степени все из представленных характеристик: патриархальные представления об армии, базирующие на признании традиционного распределения ролей между женщинами и мужчинами в обществе, и принципы правового, демократического общества, защищающего права человека. Так, “материнский” подход, определяющий армию как основной инструмент социализации “настоящего” мужчины, и, одновременно, как институт, который должен предоставить абсолютные гарантии, не учитывает условий функционирования армии в современном мире и настаивает на воспитании инфантильных индивидов, которым отказывается в способности самостоятельно решать свою судьбу.

Вместе с тем, “материнский” подход позволяет включить в сферу отношений между армией и обществом поле межличностных связей в семье, подчеркнуть значимость отношений между матерью и ребенком. Не осуждая и не требуя покаяния, этот подход, прежде всего, прощает и принимает солдат-сыновей, давая возможность выразить благодарность солдатам, отдавшим свои жизни при выполнении воинского долга. Именно этот акцент на важности утраченной жизни позволяет сторонникам “материнского” подхода требовать ответа от лиц, непосредственно принимающих решения о войне.

Использование альтернативного “гражданского” подхода ограничивается несовершенством законодательной базы, общей низкой правовой культурой и институциональной ограниченностью обеспечения прав граждан, а также демонстративной эмоциональной нейтральностью, абстрактностью принципов, определяющих статус семьи и характер отношений между матерями и детьми. Обличительная позиция, бескомпромиссность в проблемах реформирования вооруженных сил, обвинения всех и вся за грехи и преступления, многие из которых действительно обоснованы, не привлекают, а напротив- отталкивают часть солдат и их родственников от таких организаций.

Традиционализм и бурные демократические преобразования соседствуют в современном российском обществе, и феномен “солдатских матерей” служит тому хорошим подтверждением. Появившийся в последние десятилетия правозащитный – “гражданский” – подход, начинает постепенно играть основную роль в деятельности общественных объединений. Однако, возможно, путь России, как это ни банально звучит, заключается в том, чтобы, адаптировав принципы демократического общества, сохранить значимость и внимательное отношение к личности отдельного человека, тонкой сети отношений между родителями и детьми, уважение к армии и воинскому долгу.